

УДК 811.161.1

А. М. Григораш

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ

(на материале мемуаров Н. Я. Мандельштам «Воспоминания» и «Вторая книга»)

А. М. ГРИГОРАШ. ФУНКЦІОНУВАННЯ ПРИСЛІВ'ІВ ТА ПРИКАЗОК В ІНДИВІДУАЛЬНОМУ СТИЛІ ПИСЬМЕННИКА (НА МАТЕРІАЛІ МЕМУАРІВ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ «СПОГАДИ» ТА «ДРУГА КНИГА»).

Стаття присвячена аналізу функціонування прислів'їв та приказок в мемуарах Н.Я. Мандельштам. Простежується зв'язок прислів'їв та приказок з історичною епохою, що позначилася на розповіді автора. Визначаються основні функції прислів'їв та приказок в авторському тексті: емоційне підтвердження головної ідеї оповідання, відображення специфічної народної творчості, використання прислів'їв та приказок в усному мовленні, характеристика способу життя героїв мемуарів, опис радянського побуту визначеної історичної епохи тощо. Прислів'я та приказки є невід'ємною частиною мемуарного стилю.

Ключові слова: прислів'я та приказки, функціонування, мемуари, індивідуальний стиль письменника.

A.M. GRIGORASH. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ «ВОСПОМИНАНИЯ» И «ВТОРАЯ КНИГА»).

Статья посвящена анализу функционирования пословиц и поговорок в мемуарах Н. Я. Мандельштам. Прослеживается связь пословиц и поговорок с исторической эпохой, которая наложила отпечаток на повествование автора. Выделяются основные функции пословиц и поговорок в авторском тексте: эмоциональное подтверждение главной идеи повествования, отражение специфического народного творчества, использование пословиц и поговорок в устной речи, характеристика образа жизни героев мемуаров, описание советского быта определенной исторической эпохи и т.д. Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью мемуарного стиля.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, функционирование, мемуары, индивидуальный стиль писателя.

A. M. GRYGORASH. FUNCTIONS PROVERBS AND SAYINGS IN THE WRITER INDIVIDUAL STYLE (ON THE MATERIAL OF N. MANDELSHTAM MEMOIRS «REMINISCENCES» AND «SECOND BOOK»).

The article is dedicated to the problem of analysis the proverbs and sayings in the N. Mandelshtam memoirs. The article considers the bond of proverbs and sayings with historical epoch which lays on imprint on the author narration. The article focuses on the mains functions the proverbs and sayings in the author text: emotional confirmation of the principal idea of the narration, reflection of the specific people creative work, use the proverbs and sayings in the verbal speech, the character of mode of life of the memoirs hero, description of the soviet mode of life of the definite historical epoch and so on. The proverbs and sayings are an integral party of memoirs style.

Keywords: the proverbs and sayings, functions, memoirs, writer individual style.

© А.М. Григораш, 2016

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.49062>

Мемуарный жанр определяется нами как ориентированный на документальность и автобиографичность способ литературного творчества, в котором автор выступает одновременно субъектом и объектом собственного повествования. Любые воспоминания, с нашей точки зрения, отличаются некоторой степенью необъективности, поскольку человек склонен вспоминать только то, что он хочет, а не объективно воссоздавать действительность. Вместе с тем любые мемуары, часто даже вне зависимости от значимости личности автора, дают достаточное представление об исторической эпохе, которую так или иначе отражает в своих воспоминаниях любой мемуарист.

Мемуары Н. Я. Мандельштам в интересующем нас аспекте функционирования пословиц и поговорок в авторском тексте еще не были предметом исследования специалистов. Поэтому в данной работе мы опираемся исключительно на авторский текст и на соответствующие словари пословиц и поговорок.

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью воспоминаний Н. Я. Мандельштам. Таким образом, целью статьи является исследование особенностей их функционирования в данном мемуарном тексте. Это и предопределило основную задачу исследования: выявить конкретные функции употребления пословиц и поговорок, присущие индивидуально-авторскому изложению Н. Я. Мандельштам.

Прежде чем перейти к конкретному анализу функционирования пословиц и поговорок в идиостиле Н. Я. Мандельштам, следует отметить, что советскую власть в общем и сталинскую эпоху в частности автор воспоминаний ненавидит последовательно и вдохновенно, не находя никаких оправданий тому, что произошло на ее глазах: «Люди, просто молчавшие или закрывавшие глаза на то, что происходит, тоже стараются как-то оправдать прошлое. Эти обычно обвиняют меня в субъективизме: вы затрагиваете только одну сторону, а ведь было еще многое другое: строительство, постановки Мейерхольда, челюскинцы – мало ли что... Я могла бы прибавить, что еще существовали и небо, и звезды, но все же надо извлечь смысл из того, что совершилось» [1, с. 331-332]. Та же мысль эхом отзывается во «Второй книге» воспоминаний Н.Я. Мандельштам, но в более развернутом виде, особенно – в части перечисления общепринятых достижений сталинской эпохи: «...есть толпы добродушных пенкоснимателей, которым обидным показалось то, что я сказала в первой книге про двадцатые и начало тридцатых годов. По их мнению, я проявила бы объективность, рассказав про Папанина, Мейерхольда, футбольные матчи, цветные майки, парады, великий подъем литературы – кому Шолохов, кому Олеша и Маршак – и еще невесть что – рабфаки, вузы, легкую кавалерию и глубоко демократические игры счастливого народа. Взглянуть правде в глаза трудно, а тем более участникам событий и добродушным свидетелям, которым тоже перепадают крохи с господского стола» [2, с. 154]. Н. Я. Мандельштам противопоставляет всему вышеперечисленному свою страшную правду, которая, тем не менее, выглядит столь же однобоко и субъективно, сколь и голое перечисление безусловных достижений. Тем не менее у Н. Я. Мандельштам – своя правда: «Кому что, но я отворачиваюсь от карнавала всех десятилетий нашего века, потому что у меня сильно развито чувство газовой камеры, лагеря, застенка и гнусной литературы, знающей, что надо видеть, а на что следует закрывать глаза» [2, с. 494]. Более того, бичеванию ужасов и пороков сталинской эпохи подчинены все изобразительные средства художественно-публицистической прозы Н. Я. Мандельштам.

Пословицы и поговорки органично вплетаются в авторское повествование, не только подтверждая основную мысль автора, но и окрашивая ее эмоционально: «Всякая семья, где сохранился мужчина, рвалась туда, где, по слухам, был хлеб и спрос на рабочие руки. Иногда переселялись организованно, то есть предварительно завербовавшись. Узнав на опыте, что хрен редьки не слаще, бросались обратно или искали нового прибежища. Всякое насильственное переселение – классов и национальностей – вызвало волны добровольных беженцев. Дети и старики мерли как мухи» [1, с. 118-119]. Ср. словарную фиксацию устойчивого выражения *хрен редьки не слаще* со значением 'один не лучше другого, оба одинаковы. Говорят, когда кто-то хочет одно заменить другим, ничем не лучше' [3, с. 101].

С другой стороны, воспоминания о прошлом, не касающиеся непосредственно советской эпохи, окрашены у Н. Я. Мандельштам в явно умиротворяющие тона, сдобрены отменным юмором, тем более что речь идет о фразах самого Осипа Мандельштама. В частности, «кресло тише едешь, дальше будешь» удивительно напоминает «многоуважаемый шкаф» А. П. Чехова,

также реально существовавший в жизни выдающегося писателя: «Шум времени» – рассказ о прошлом. Оно уже не существует, но, воскресая в памяти, полно конкретности и до боли яркого видения людей и вещей, чем-то символизирующих время: концертное безумие, репетитор, еврейская квартира с запахом кожи и кресло «тише едешь, дальше будешь», парады на Марсовом поле и эсэровская семья Синани... В «Шуме времени» Мандельштам искал ответа на мучившие его вопросы, в частности, первым встает вопрос: откуда взялась отчужденность от текущего времени?» [2, с. 420]. Поскольку воспоминания о парадах разных эпох являются в повествовании Н. Я. Мандельштам знаковыми, становится очевидным, что в детстве все кажется благостным и восхитительным, иначе не совсем понятно, чем одни парады отличаются от других. При этом автор мемуаров пытается объяснить это противоречие: «Там, где назад оглядывается любовно, все выглядит идиллически, но никакая идиллия Мандельштаму не свойственна. Ирония тоже ему чужда, а ведь она часто маскирует идиллию. У него жесткий и трезвый взгляд, который создает видимость бесстрастия, но тем не менее «Шум времени» – глубоко личная книга, хотя автор не говорит о своей заинтересованности в каждой из выдвинутых тем» [2, с. 421]. В данном случае доводы Н. Я. Мандельштам, с нашей точки зрения, не убеждают: вряд ли выдающийся поэт был столь уж беспристрастен в описании собственного детства, и кресло с милой домашней кличкой тише едешь, дальше будешь – яркое тому доказательство. Ср. фиксацию в словаре используемой в тексте Н. Я. Мандельштам поговорки: *Тише едешь, дальше будешь*. «Если делаешь все без суеты, без торопливости, скорей достигнешь желаемых результатов. Говорится шутливо в оправдание кажущейся медлительности или как совет работать без спешки, суеты, если хочешь хорошо сделать дело» [3, с. 97].

Пословицы и поговорки используются Н. Я. Мандельштам и для описания причудливого советского быта. При этом и такие бытовые зарисовки призваны оттенять и раскрывать те или иные черты характера главного героя повествования: «Близость Ахматовой к новеллистической традиции позволяла ждать от нее поэмы, понятой как «небольшой стих-рассказ». Так определил поэму мальчик Вадик, сын воронежской театральной портнихи, у которой мы снимали комнату в последнюю зиму. Мальчик завладел пушкинским однотомником, который я привезла из Москвы, и объяснил товарищу, что такое поэма. Мы жили в тесноте, но не в обиде, и каждое слово, сказанное в одной комнате, было слышно в другой. Мандельштам услышал разговор Вадика с товарищем и поразился меткости определения. Он ценил читателей, а не литературоведов» [2, с. 415]. Ср. фиксацию известного устойчивого выражения в словаре: В тесноте да не в обиде. «Если люди дружны, друг друга не обижают, теснота не раздражает и не мешает им. Говорится, когда в помещении собирается слишком много народу, но люди мирятся с теснотой, оставаясь доброжелательными и внимательными друг к другу» [3, с. 30].

Любимой пословицей, как нельзя лучше характеризующей описываемую Н. Я. Мандельштам историческую эпоху, является хрестоматийное *лес рубят – щепки летят*. Именно это устойчивое сочетание автор помещает в ряд так называемых «формул» построения нового государства: «Ведь именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... Каждая казнь оправдывалась тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного «нового». Никто не заметил, как цель стала оправдывать средства, а потом, как и полагается в таких случаях, постепенно растаяла» [1, с. 193-194]. См. словарную фиксацию устойчивого выражения – [4, с. 324]. Следует отметить, что, выполняя свою обличительную миссию, Н. Я. Мандельштам не признает никаких авторитетов того времени. Так, с помощью любимого устойчивого выражения раскрывается двуличие известного советского писателя, причем его траурная речь определяется как советский язык, а сама пословица – как перевод с советского языка: «Не прошло и года, как Фадеев, празднуя в Лаврушинском переулке по поводу первых писательских орденов, узнал о смерти Мандельштама и выпил за его упокой: «Загубили такого поэта». В переводе на советский язык это означает: «Лес рубят – щепки летят» [1, с. 40]. Наконец, практически все этапы хозяйственной деятельности советской власти в сталинскую эпоху сопровождаются любимым устойчивым выражением Н. Я. Мандельштам, пусть даже вложенным в уста «просоветского» собеседника. Соответствующий комментарий подобного высказывания все так же живописует ужасы эпохи, выпавшей на долю автора воспоминаний, которого никак не упрекнешь в непоследовательности: «Обозы же с раскулаченными как будто исчезли к тридцать третьему. «Значит, идет на убыль», – сказал

секретарь и прибавил, что нищие, бродяги и те, что в землянках, еще легко отделались («лес рубят – щепки летят»). С его стороны такие слова были неслыханной смелостью. При незнакомых людях он произнес крамольную фразу, за которую можно было угодить на десять лет» [2, с. 290].

В воспоминаниях Н. Я. Мандельштам нашло отражение и специфическое народное творчество, отразившее суть текущего политического момента: «Люди искореняющей профессии придумали поговорку «был бы человек – дело найдется». Впервые мы ее услышали в Ялте (1928) от Фурманова, брата писателя. Чекист, которому только что удалось спланировать в кинематографию, но через жену еще связанный с этим учреждением, он кое-что в этом понимал» [1, с. 29]. Как правило, в основе образования подобных инноваций лежит соответствующее общеизвестное устойчивое выражение. В данном случае это зафиксированная в словарных источниках поговорка «была бы шея, [а] хомут найдется» [4, с. 238]. В другом контексте это индивидуально-авторское устойчивое выражение иллюстрирует «основной принцип следствия» сталинской эпохи, призванное хотя бы косвенно объяснить появление невероятного количества жертв террора: «Дикие изобретения, чудовищные обвинения – все это становилось самоцелью, и работники органов изошрялись в них, словно насаждаясь своим самовластием. Основным же принципом следствия оставалось то, что нам поведал в конце двадцатых годов брат Фурманова: «Был бы человек, дело найдется...» [1, с. 361].

Пословицы и поговорки сами по себе являются ярким средством разнообразия мемуарного текста. Как выражение народной мудрости они подтверждают или опровергают мысли автора, помогают читателю глубже проникнуть в авторский замысел. Однако особенностью воспоминаний Н. Я. Мандельштам является использование пословиц и поговорок в качестве своеобразных иллюстраций к эпохе, которая во многом их породила. Вот почему пословицы и поговорки выступают как неотъемлемая часть воспоминаний Н. Я. Мандельштам. Перспектива дальнейших исследований в данном направлении – исследование фразеологического материала (в том числе пословиц и поговорок) в мемуарной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам Н. Я. Воспоминания / Н. Я. Мандельштам. – М.: Вагриус, 2006. – 448 с.
2. Мандельштам Н. Я. Вторая книга / Н. Я. Мандельштам. – М.: Вагриус, 2006. – 608 с.
3. Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые слова: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицина, Ю. Е. Прохоров / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М.: Рус. яз., 1979. – 240 с.
4. Олійник І. С., Сидоренко М. М. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник / І. С. Олійник, М. М. Сидоренко. – К.: “Рад. школа”, 1978. – 447 с.

(Статья поступила в редакцию 1 марта 2016 г.)